

Научная статья

УДК 159.9.01

doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-19

КОНЦЕПТ МЕТАФИЗИЧЕСКОГО УЖАСА: РЕЛИГИОЗНЫЙ И СВЕТСКИЙ АСПЕКТЫ

Олег Сергеевич Пугачев

Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, Россия

oleg_pugachev@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В условиях современной цивилизации, представляющей человеку технические возможности изменения собственной природы и характеризующейся высоким уровнем комфорта, страх перед небытием, болезнью и смертью не исчезает, он наполняется новым содержанием, превращается в массовые фобии. В данном исследовании предпринимается попытка определить культурно-цивилизационное значение концепта «метафизический ужас», объяснить его наличие как расширение пределов человеческого знания, в том числе за счет фантастического и других видов опыта. *Материалы и методы.* В основу исследования был положен метод системного и историко-философского анализа источников, который позволяет рассмотреть концепт «метафизический ужас». Специфика исследования обусловила необходимость применения логико-концептуального подхода к изучаемому понятию. *Результаты.* Уживание со смертью в истории и культуре каждого народа находит отражение в обрядовой практике, различных формах искусства, связывается чаще всего с особым типом страха, называемого метафизическим ужасом. Данному концепту может противопоставляться понятие «метафизическая радость». Оба концепта имеют устоявшееся лингвистическое значение, несмотря на то, что сами по себе они выражают то, чему нет соответствия в реальности. «Простой» ужас может трактоваться в этой связи как состояние, предшествующее метафизическому. Согласно Н. Решеру, метафизический ужас мы можем отнести к «озадачивающим явлениям». Категория «метафизический ужас» еще до С. Кьеркегора, до ее концептуального оформления так или иначе проявлялась во многих памятниках древней культуры. Осмысление такого предельного страха происходило интуитивно, часто с помощью переходной, средней зоны (ничто – нечто, не-жизнь – нежить). В целом концепт «метафизический ужас» имеет огромное влияние на общечеловеческую культуру и цивилизацию, которую спасали идея Бога и различные варианты решения проблемы теодицеи. Поэтому в связи с рассматриваемым концептом неизбежно встает вопрос о страхе Божьем, обостряемый возможностью «метафизического разрыва». Если ужас, как правило, парализует, то страх может стать побуждением к позитивному действию и даже приобрести эвристическую окраску (Г. Йонас) в отношении будущего человечества и планеты. Нравственные действия человека являются реакцией на переживание страха. Однако «эвристика ужаса», в отличие от «эвристики страха», «эвристики тоски», невозможна. Именно словосочетание «метафизический ужас» способно отразить состояние аффекта, предельный страх смерти, исчезновения. Религиозное сознание содержит фатальное переживание ужаса апокалипсиса, а светское способно выразить его в искусстве (особенно в кино) и найти способы заранее пережить и осмыслить этот конец. *Выводы.* Концепт «метафизический ужас» имеет важное значение в плане осмысления перспектив земной цивилизации, в первую очередь, в аспекте выхода из привычных, комфортных условий бытия. И религиозные, и внерелигиозные точки зрения тут могут найти единое основание, опираясь на общечеловеческие ценности, среди которых – жизнь и ее продолжение в будущем благодаря нравственным действиям человечества настоящего по типу проекта «общего дела» (Н. Ф. Федоров).

Ключевые слова: Бог, культура, трансцендентный ужас, страх, смерть, иррациональное

Для цитирования: Пугачев О. С. Концепт метафизического ужаса: религиозный и светский аспекты // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2021. Т. 9, № 4. С. 169–176. doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-19

Original article

CONCEPT OF METAPHYSICAL HORROR: RELIGIOUS AND SOCIAL ASPECTS

Oleg S. Pugachev

Penza State Agrarian University, Penza, Russia
oleg_pugachev@mail.ru

Abstract. *Background.* In the conditions of modern civilization providing humans with technical opportunities of changing their nature and characterized by high level of comfort, the fear of non-existence, illness and death does not disappear. It is filled with new content and turns into mass phobia. This article attempts to define the cultural and civilizational significance of the concept of "metaphysical horror," to explain its presence as expanded limits of human knowledge, including through fantastic and other experience. *Materials and methods.* The study is based on the systemic and historical-philosophical analysis of sources, which allows considering the concept of "metaphysical horror". The specificity of the study necessitates applying the logical and conceptual approach to the concept. *Results.* Cohabiting with death in the history and culture of every nation is reflected in ritual practices, various art forms. It is most often associated with a special type of fear called metaphysical horror. This concept can be contrasted with the concept of "metaphysical joy". Both concepts have a fairly well-established linguistic meaning, despite the fact that they express something, which has no equivalent in reality. "Simple" horror can be interpreted in this connection as a state preceding the metaphysical one. According to N. Rescher, metaphysical horror can be categorized as "baffling phenomena". Before S. Kierkegaard and its conceptualization, the category of "metaphysical horror" was manifested in one way or another in many ancient cultures. Such ultimate horror was comprehended intuitively, often through a transitional, middle zone (nothing – something, non-life – undead). In general, the concept of "metaphysical horror" has a great influence on universal culture and civilization, which was saved by the idea of God and various solutions to the problem of theodicy. Therefore, fear of God exacerbated by the possibility of a "metaphysical rupture" inevitably arises in connection with the concept in question. Whereas horror tends to paralyze, fear can become an impetus to positive action and even acquire a heuristic coloring (H. Jonas) with regard to the future of humanity and the planet. Moral actions of a human are a reaction to fear. However, the "horror heuristic," unlike the "fear heuristic" and the "longing heuristic," is impossible. It is the phrase "meta-physical horror" that can reflect a state of affect, ultimate fear of death and disappearance. Religious consciousness contains a fatal experience of horror of the apocalypse, while secular consciousness is able to express it in art (especially cinema) and find ways to experience and comprehend this beforehand. *Conclusions.* The concept of "metaphysical horror" is important in terms of understanding the prospects of the earth civilization, primarily in the aspect of leaving the familiar, comfortable existence conditions. Both religious and extra-religious viewpoints can find a common basis here, relying on universal values, among which is life and its continuation in the future due to moral actions of the present humanity in terms of the "common cause" project (N.F. Fyodorov).

Keywords: God, culture, transcendent horror, fear, death, the irrational

For citation: Pugachev O.S. Concept of Metaphysical Horror: Religious and Social Aspects. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2021;9(4):169–176. (In Russ.). doi:10.21685/2307-9525-2021-9-4-19

Цивилизация, как известно, очень заботится о комфорте. Комфорт сопровождается не только чувством приятной удобности быта, но и возрастанием уверенности в защищенности своего бытия или личного жизненного пространства. Между тем понятие и присутствие различного рода угроз, болезни и смерти никуда не уходят и даже не отодвигаются на второй план, но высвечивают некую инаковость, ощущаемую интроспективно, а иногда даже и в массовом порядке как переживание страха или патологических фобий [1, 2].

Каждый народ по-своему «сживается» с небытием, со смертью, пытаясь ввести его в какие-то рациональные рамки, что весьма непросто. Но порог смерти, назовем его – «предсмертие», представляется «объектом», более иных элементов смерти как умирания явленным, феноменальным, что позволяет составить о нем научное представление, а не просто чисто эмоционально зафиксировать данную наличность [3].

Если использовать принцип бинарных оппозиций, то образу метафизического ужаса может быть противопоставлено понятие «метафизическая радость». Это концепция «чистой радости», но уже не в духе немецкого романтизма, а как нечто, выходящее за пределы эмпирически переживаемого. В этом последнем смысле ни «метафизический ужас», ни таковая же радость для человека невозможны, и не только в кантовском смысле: самая их невозможность коренится в отсутствии акта трансцензуса, т.е. перехода из обыденной жизни в состояние инобытия. Мы сталкиваемся с проблемой выражения невыразимого. В чисто лингвистическом значении имеются в наличии понятия, которым нет соответствия в реальности...

Вообще говоря, ситуация тривиальная, она касается представлений о многих запредельных существах («По небу полуночи ангел летел...», «Русалка плыла по реке голубой...» и т.д.). Однако с ними возможен и контакт, и такие моменты художественно или паранаучно фиксируются. Иное дело – иное само по себе (приносим извинения за невольный каламбур): здесь постижения от соприкосновения крайне редки или, что точнее, их нет, а есть только попытки представить «нечеловеческое» в его сверхчеловеческом, абсолютном образе или, напротив, как бездну низшего, inferнального. И все же мы имеем дело с вполне устоявшейся в русском языке формулой «метафизического ужаса». Если человек действительно сталкивается с таковым, то вряд ли после этого возможно его нормальное существование либо жизнь вообще. Это объясняется тем, что собственно человеческое в человеке имеет свои границы, иногда четко, порою же расплывчато обозначенные. Но, как бы там ни было, в их рамках всегда можно позитивно утверждать: «Се, человек». Когда же речь идет о трансцендентных вещах, мы должны либо принять как условие, что при соприкосновении с ними человеческое в человеке только «прирастает», становясь иным, либо отказаться от самой идеи контакта и «иновоздействия», т.е. говорить строго: запредельное остается таковым всегда.

Давайте посмотрим на «простой» ужас как предпороговое состояние к метафизическому. В брошюре Э. Дюбуа-Реймона «О границах естествознания» [4] содержится трезвое предупреждение о вечной неразрешимости некоторых проблем для человечества. В работе «Семь мировых загадок» они сводятся к этому числу, но вот самые важные: возникновение материи, жизни, сознания, проблема бессмертия и свободы воли. Отсюда пессимистическое заключение, завершавшее первую книгу: *ignoramus et ignorabimus* – мы не знаем и не будем знать. Почти через столетие примерно такое же утверждение мы находим в современной философии науки, с той лишь разницей, что оно звучит более оптимистично: наука должна признать, что ряд явлений при современном ее состоянии не может быть ею объяснен (йога, гипноз, акупунктура и т.п.), но отчаиваться при этом не стоит, а, признаваясь в бессилии, назвать эти необъяснимые с точки зрения научной рациональности факты «озадачивающими явлениями» (Н. Решер) [5]. По сути, метафизический ужас – это явление, вообще выходящее за пределы научного поля, как и вся «метафизика».

Мы не склонны приписывать одному лишь С. Кьеркегору «открытие» категории «метафизический ужас» [6]. Страх и трепет искони, явно или латентно, пробирався через внутреннее во внешнее, и многие памятники древних культур несут в себе следы «метафизического ужаса», конечно, находясь еще за пределами данной словесной, концептуальной формулы [7].

Рациональная формулировка иррационального есть дело в высшей степени сугубо человеческое. Обуздывая стихию иррационального и трансцендентного, «потустороннего», человечество может вступать на более широкое духовное поле, отвоеванное для культурной деятельности. Это может происходить через творчество как народов (египтяне, этруски), так и личностей. Осваивая, часто

интуитивно, метафизический ужас, человек не может обойтись без переходной, или средней, зоны. Ярким примером такой зоны являются современные фильмы ужасов. Нам представляются картины, по своей конкретике весьма далекие от кьеркегоровского страха перед ничто. Ничто здесь непременно превращается в нечто (мертвецы, чудовища, «чужие» и т.п.), и можно проследить эволюцию от натурального показа этих ужасающих сил к попытке построить сценарий по типу: «чувства» или переживания ужасного без наличия собственного его субъекта. И, однако, нельзя назвать этот вид ужаса метафизическим, поскольку он вызван неизвестностью, ожиданием неизвестно чего ужасного, но опять же в виде сил, действий, субъектов и существ потустороннего ряда. Отсюда недалеко до заключения, что ужас не может производиться мнимой встречей с ничто: оно не может пугать ввиду соевой ничтожности или небытийности; тогда как ожидание чего-то из ничто – это первопричина страха.

Как известно, ужас парализует разум и волю, и если этим двум удастся пробиться сквозь его толщу, то жизнь продолжается. По всей видимости, человечество страшит не «ничто», а нечто в виде метафизической, точнее не физической, «не-жизни». В народном сознании это издревле называлось (в русском языке) «нёжить». Вмешательство нежити в живую жизнь отравляет ее ядом едва движущейся смерти.

Концепт «метафизический ужас» имеет, несмотря на всю свою парадоксальность, огромное влияние на общечеловеческую культуру. В частности, все так называемые «ужастики» можно рассматривать как визуально-психологический тренинг перед встречей с инобытием отрицательного, не-жизненного плана. Этот план существует, но не живет, и в ощущении инобытия негативного (или нечеловеческого, враждебного или нейтрального) типа мы многим обязаны выходу человеческого сознания, физического человека вообще, в космос. Вопрос о «многих мирах» способен, при положительном его решении, не только совершить невиданную доселе революцию в нашем бытии и сознании, но и свести их к нулевому значению. От панического паралича цивилизации, как известно, спасала идея Бога. Что будет на этот раз, если, например, многомирие рождает и проблему (возможность) многих теологий? [8].

На вопрос о страхе Божьим мы можем ответить вместе с теологами: но что такое не Божий страх? Боимся ли мы ничто как такового или наш ужас связан с тем, что может совершить дьявол? Если он «обезьяна Бога», то его устрашающие «творения» лишь изнанка и деформация известного. Следовательно, есть основания говорить о возможности одержать верх в борьбе с ужасными дьявольскими наваждениями (Антоний Великий). С другой стороны, известны случаи, когда попытки обращения к божественной помощи не приносили успеха. Они выражены художественно в «Вие» Н. В. Гоголя или в «Рассказе отца Алексея» И. С. Тургенева.

«Метафизический разрыв (metaphysical gap) – термин, используемый для описания полностью различных качеств существования Бога и людей или людей и остальных представителей тварного мира»¹ – заостряет проблему познания запретного мира или миров.

Итак, если ужас парализует и убивает, то страх может привести к позитивному действию. Например, Г. Йонас в работе «Принцип ответственности» [9] рассуждал о своеобразной «эвристике страха» [10–16], суть которой, как подчеркивается в монографии Н. П. Козловой, состоит в том, что «принцип эвристики страха может быть сформулирован как необходимость преимущества плохого прогноза перед хорошим, т.е. нужно действовать, исходя из состояния страха перед будущим» [17]. При этом, по сути, абстрактное, будущее, человечество и тем более планета, которую оно будет населять, сами по себе не могут вызывать чувство страха за их состояние, бытие или, напротив, небытие. Это требует совершенно новой этики, призванной вырабатывать это чувство страха в «настоящем» человеке [18, 19].

¹ Мак-Ким Дональд К. Вестминстерский словарь теологических терминов : пер. с англ. М. : Республика, 2004. С. 208.

Иными словами, страх перед возможными катаклизмами заставляет человечество в лице ученых искать наиболее надежные пути обеспечения наступления оптимального, гуманного будущего. В данном отношении выявляется, прежде всего, нравственный принцип действия как реакция на переживание страха. Пусть еще не ставшее, еще не-физическое, а лишь воображаемое и возможное в своем аннигилирующем воздействии никогда не наступит, так как его можно предотвратить сейчас или быть готовым к встрече с ЧП. Но эвристика страха имеет дело с объектами, предсказуемыми хотя бы в общих чертах, причем Ионас для этих прогнозов предоставляет место любым методам, в том числе и научной фантастике. Однако мы не смогли бы выработать никакой, например, «эвристики ужаса», если бы не способность к фантазированию. Ужас парализует и изменяет человека, он не дает возможности действовать, а будучи сверхприродным для человека – просто жить, остаться в живых.

«Метафизическому страху» в немецкой и русской культурах посвящены кандидатская диссертация и статьи Л. В. Чесноковой. Экзистенциальный страх обозначается немецким *Angst* и переводится на русский язык как «метафизический страх». Начало такому истолкованию положил С. Кьеркегор. Это страх и трепет перед Богом. Исследовательница замечает, что «...каждой культуре свойственен свой особенный "профиль" страха, определяемый целым комплексом культурно-исторических и психологических предпосылок» [20]. В диссертации проводится сравнительный анализ концептов метафизического страха и тоски в немецкой и русской культурах [21]. Для автора проблема исследования концептов страха и тоски носит методологический характер, а именно: «...культура как место формирования созвучных феноменов, закрепляемых в виде концептов и обеспечивающих диалогичность разных культур...» [21, с. 6]. В этой связи особое внимание уделяется «языковой картине мира» и этимолого-концептуальным экскурсам, например – различие эмпирического и экзистенциального страха у Кьеркегора и Хайдеггера [21, с. 54].

В отличие от указанных источников мы смотрим на проблему более обще и в то же время с позиции массового сознания. Что этому сознанию дает рефлексия над состоянием, выраженным словосочетанием «метафизический ужас»? Страх и ужас близки, их часто используют как синонимы, но здесь важно указать на различия. При этом нельзя не упомянуть З. Фрейда, описавшего виды страха: инфантильный, неврологический, реальный, свободный и страх смерти как один из самых важных в жизни индивида. Современная психология трактует ужас как такое напряжение страха, «когда он достигает силы аффекта <...> он способен навязать стереотипы поведения – бегство, оцепенение, агрессию защитную»¹.

Словосочетание «метафизический ужас» способно отразить указанное выше состояние аффекта. Безусловно, главную роль здесь играет ужас смерти, исчезновения живого Я. В не столь уж редких случаях нахождения судов без экипажа (когда только наличием неустранимого ужаса можно объяснить факт оставления командой исправного и снабженного всеми припасами судна), обнаружения пропавших групп туристов мертвыми с выражением застывшего на лице ужаса можно указать на ужас, который нельзя назвать метафизическим ввиду его необработанности мышлением, рефлексией. Возможно, этот ужас имеет природную, физическую причину, но явно превосходящую психологические возможности человека.

Метафизический ужас согласно логике имеет происхождение трансцендентное. Это может быть inferнальный мир или иномирие неизвестного типа. Что же касается религиозного ужаса перед Абсолютом, Богом, то здесь он традиционно трактуется богословием как «Страх Божий», имеющий в конечном счете позитивное значение (священного трепета, благоговения, мудрости, смирения). Страх перед Богом в результате истинной веры, благочестия и преданности перерастает в любовь к Нему. Современное протестантское толкование страха Господня подчеркивает, что он «не означает ужаса, страха перед Богом. Скорее, это – благоговейное

¹ Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест, 2003. С. 791.

доверие к Богу, из-за которого мы хотим угождать Богу и повиноваться ему»¹. Тот же автор отмечает, что в Новом Завете понятие страха передает существительное *phobos*, содержащее смысл боязни и ужаса, и что Иисус утешал своих учеников словами: «Не бойтесь». Автор заключил свою статью следующими словами: «Страх обладает ценностью, если он предупреждает нас и предохраняет. А вот ужасу и боязни нет места в жизни христианина, во всяком случае – в его отношении к Богу»².

Заметим, что религиозный опыт содержит в себе переживание ужаса апокалиптических времен и Страшного суда. Светское же сознание посредством концепта «метафизический ужас» тоже старается прямо или косвенно найти способ его пережить. Сюда можно отнести всю культуру «ужасов» – в литературе, живописи, кино... Проигрывая заранее сценарии различных видов ужасного, мировая культура стремится выжить и среди обрушившегося на нее внутреннего врага – терроризма и недостижимой трансцендентности неведомых миров, воздействия нечеловеческого иного, и нечеловеческого в самом человеке.

Концепт «метафизический ужас» имеет огромное значение для земной цивилизации в плане готовности к выходу из привычных (известных) условий бытия. В этом отношении религиозные и внерелигиозные позиции могут найти пусть и зыбкую, но общую платформу, поддерживая существенные человеческие ценности и нормы. Нам представляется, что наиболее адекватным проектом реальных действий человека, признающего условность апокалиптических угроз или считающего возможность грядущих катастроф чисто природным явлением, был бы проект Н. Ф. Федорова, связывающий воедино Бога, Человека и Космос. Это учение позволяет выйти из бездейственного паралича, вызванного физическим и метафизическим ужасом.

Список литературы

1. Делюмо Ж. Грех и страх. Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII–XVIII века). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. 752 с.
2. Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека: Антология : сб. ст. М. : Высшая школа, 1993. С. 297–305.
3. Байбурин А. К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии : сб. ст. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2001. Вып. 1. С. 96–116.
4. Огнев И. Ф. Речи Э. Дю-Буа-Реймона и его научное мировоззрение // Вопросы философии и психологии. М. : Типо-литография Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1899. Кн. 48 (III). С. 211–241. URL: <http://relig-library.pspu.ru/modules.php?name=298> (дата обращения: 11.11.2021).
5. Решер Н. Озадачивающие явления // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 103–111.
6. Кьеркегор С. Страх и трепет / пер. с дат., коммент. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева ; общ. ред., сост. и предисл. С. А. Исаева. М. : Республика, 1993. 383 с.
7. Бобкова Ю. Концепт в философских исследованиях, или Штрихи к философскому «портрету» концепта // Филолог. 2005. № 6. С. 10. URL: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub/6/137> (дата обращения: 24.09.2021).
8. Много миров. Новая Вселенная / под ред. С. Дж. Дика ; пер. с англ. В. Л. Олейника. М. : АСТ : Астрель, 2007. 224 с.
9. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-пресс, 2004. 479 с.
10. Пугачева Н. П. Призыв к этике ответственности. Памяти Ганса Йонаса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9, № 2-1. С. 129–134.
11. Пугачева Н. П. Человек. Жизнь. Ответственность (диалог Г. Йонаса, Э. Майра и С. Доннелли) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2020. № 4. С. 138–141.
12. Пугачева Н. П. Эвристика жизни Ганса Йонаса // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 3. С. 101–106.

¹ Earle R. Страх (Fear) // Теологический энциклопедический словарь / под ред. У. Элвелла. М. : Ассоциация «Духов. возрождение», 2003. С. 1123.

² Там же.

13. Пугачева Н. П. Два «Принципа» Ганса Йонаса: апология жизни // *Философия и общество*. 2020. № 2 (95). С. 123–130.
14. Платонова А. В. Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 75–79.
15. Платонова А. В. Эвристическая функция страха в онтологической концепции ответственности Ганса Йонаса // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки*. 2015. № 9-4. С. 73–77.
16. Тищенко П. Д. Биоэтика, общество риска и эвристика вызова // *Философские науки*. 2010. № 12. С. 42–49.
17. Козлова Н. П. *Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации*. Пенза : РИО ПГСХА, 2006. 220 с.
18. Пугачева Н. П. Методологические и онтологические основания эвристики страха в этике Ганса Йонаса // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, № 4. С. 98–101.
19. Гаджикурбанова П. А. Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // *Этическая мысль*. 2003. № 4. С. 161–178.
20. Чеснокова Л. В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой культуре // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012. № 4-2 (18). С. 206–210.
21. Чеснокова Л. В. *Метафизический страх и тоска в немецкой и русской культурах* : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Омск, 2016. 153 с.

References

1. Delyumo Zh. *Grekh i strakh. Formirovanie chuvstva viny v tsivilizatsii Zapada (XIII–XVIII veka) = Forming Sense of Guilt in the Western Civilization (13th – 18th Centuries)*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2003:752. (In Russ.)
2. Velens A. Remarks on the Concept of Fear in Modern Philosophy. *Fenomen cheloveka: Antologiya: sb. st. = Phenomenon of Human: Anthology: Collection of Papers*. Moscow: Vysshaya shkola, 1993:297–305. (In Russ.)
3. Bayburin A.K. Longing and Fear in the Context of Funeral Rituals (Case Study of Ritual and Mythological Implications of a Plot). *Trudy fakulteta etnologii: sb. st. = Proceedings of the Faculty of Ethnology*. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeyskogo un-ta, 2001;(1):96–116. (In Russ.)
4. Ognev I.F. E. du Bois-Reymond Speeches and His Scientific Worldview. *Voprosy filosofii i psikhologii = Challenges in Philosophy and Psychology*. Moscow: Tipo-litografiya Vysochayshe utverzhdenogo T-va I. N. Kushnerev i Ko, 1899;48(III):211–241. (In Russ.). Available at: <http://relig-library.pspu.ru/modules.php?name=298> (accessed 11.11.2021).
5. Resher N. Puzzling Phenomena. *Voprosy filosofii = Challenges in Philosophy*. 2002;(1):103–111. (In Russ.)
6. Kerkegor S. *Strakh i trepet: per. s dat., komment. N. V. Isaevoy, S. A. Isaeva; obshch. red., sost. i predisl. S. A. Isaeva = Fear and Awe (Translation from Danish, Comments by N.V. Isaeva, S.A. Isaeva; Revision and Foreword by S.A. Isaeva)*. Moscow: Respublika, 1993:383. (In Russ.)
7. Bobkova Yu. Concept in Philosophical Research or Strokes to the Philosophical Portrait of the Concept. *Filolog = Linguist*. 2005;(6):10. (In Russ.). Available at: <http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub/6/137> (accessed 24.09.2021).
8. Dik S.Dzh. (ed.). *Mnogo mirov. Novaya Vselennaya = Many worlds. New Universe*. Transl. from Engl. by V.L. Olevnik. Moscow: AST: Astrel, 2007:224. (In Russ.)
9. Yonas G. *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii = Responsibility Principle: Ethics Experience for Technological Civilization*. Moscow: Ayris-press, 2004:479. (In Russ.)
10. Pugacheva N.P. Call for Ethics of Responsibility. In Memory of Hans Jonas. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy about World and Human*. 2020;9(2-1):129–134. (In Russ.)
11. Pugacheva N.P. Human. Life. Responsibility (Dialogue between H. Jonas, E. Mayr and S. Donnelly). *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Ser.: Poznanie = Modern Science: Topical Issues in Theory and Practice. Series: Knowledge*. 2020;(4):138–141. (In Russ.)
12. Pugacheva N.P. Heuristics in the Life of Hans Jonas. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii = Intelligence. Innovation. Investment*. 2020;(3):101–106. (In Russ.)
13. Pugacheva N.P. Two "Principles" of Hans Jonas: Apology for Life. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2020;(2):123–130. (In Russ.)

14. Platonova A.V. Subjects of Moral Consciousness in Modern Society: Types of Collective Responsibility. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2013;(373):75–79. (In Russ.)
15. Platonova A.V. Heuristic Function of Fear in the Ontological Concept of Responsibility by Hans Jonas. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy nauki = Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*. 2015;(9-4):73–77. (In Russ.)
16. Tishchenko P.D. Bioethics, Risk Society and Challenge Heuristics. *Filosofskie nauki = Philosophical Sciences*. 2010;(12):42–49. (In Russ.)
17. Kozlova N.P. *Etika otvetstvennosti v usloviyakh tekhnogennoy tsivilizatsii = Ethics of Responsibility in the Conditions of Technogenic Civilization*. Penza: RIO PGSKhA, 2006:220. (In Russ.)
18. Pugacheva N.P. Methodological and Ontological Foundations of Fear Heuristics in the Ethics of Hans Jonas. *Manuskript = Manuscript*. 2020;13(4):98–101. (In Russ.)
19. Gadzhikurbanova P.A. Fear and Responsibility: Ethics of Technological Civilization by Hans Jonas. *Eticheskaya mysl = Ethical Thought*. 2003;(4):161–178. (In Russ.)
20. Chesnokova L.V. Concept of Metaphysical Fear (Angst) in German Culture. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Studies. Theoretical and Practical Questions*. 2012;(4-2):206–210. (In Russ.)
21. Chesnokova L.V. *Metaphysical Fear and Melancholy in German and Russian Cultures*. PhD dissertation. Omsk, 2016:153. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

О. С. Пугачев – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, истории и иностранных языков, Пензенский государственный аграрный университет, 440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30.

O.S. Pugachev – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Sub-department of Philosophy, History, and Foreign Languages, Penza State Agrarian University, 30 Botanicheskaya street, Penza, 440014.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares that no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 11.11.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 26.11.2021

Принята к публикации / Accepted 30.11.2021